

С. Л. Фирсов

ФЕНОМЕН «РУССКИХ МУСУЛЬМАН» ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация: Статья посвящена вопросу о психологии восприятия феномена «русских мусульман» постсоветской эпохи. Автор, рассматривая и анализируя как данные исламоведов, так и материалы отечественных публицистов, писавших на тему «русского ислама», пытается понять, насколько совместима самоидентификация «русских мусульман» именно как русских с их новой верой. В статье говорится о том, когда и почему тема «русских мусульман» стала актуальной и в современном российском религиоведении, и в общественной жизни постсоветской России. С. Л. Фирсов полагает, что «русские мусульмане» не могут называться субэтносом и в ближайшее время таковым не станут. По его мнению, это только особая группа верующих, понять и принять которую большинство «этнических русских» психологически не готово, предпочитая заявлять о себе как о «православных», но в большинстве случаев имея о вере своих предков такое же слабое представление, как и о вере последователей Пророка Мухаммеда.

Ключевые слова: «Русские мусульмане», ислам, Россия, религия, вера, самосознание, национальная идентичность, мировоззрение, менталитет.

S. L. Firsov

The Phenomenon of «Russian Muslims» of the Post-Soviet Era: To the Question of the Psychology of Perception

Abstract: The article is devoted to the question of the psychology of perception of the phenomenon of «Russian Muslims» in the post-Soviet era. The author, considering and analyzing both the data of Islamic scholars and the materials of

domestic publicists who wrote on the topic of «Russian Islam», tries to understand how compatible is the self-identification of «Russian Muslims» as Russians with their new faith. The article demonstrates when and why the topic of «Russian Muslims» became relevant both in modern Russian religious studies and in the public life of post-Soviet Russia. S. L. Firsov believes that «Russian Muslims» should not be designated a sub-ethnos and will not become one in the near future. In his opinion, this is only a special group of believers, which the majority of «ethnic Russians» are not psychologically ready to understand and accept, preferring to declare themselves as «Orthodox», but in most cases having the same weak idea of the faith of their ancestors as of faith of the followers of the Prophet Muhammad.

Keywords: «Russian Muslims», Islam, Russia, religion, faith, self-awareness, national identity, worldview, mentality.

Термин «русские мусульмане» появился в отечественном религиоведении относительно недавно, в XXI веке, когда его стали активно использовать, подразумевая численно небольшую этно-религиозную группу русских, принявших ислам. Известно, что этнорелигиозная группа — это часть народа, которая по причине специфической религиозной принадлежности обособилась от целого, выработав собственные религиозно-бытовые и культурные особенности, отличающие её от этнического большинства. Правда, этнографы отмечают, что указанные особенности обычно вырабатываются в условиях либо долговременной историко-географической замкнутости, либо самоизоляции.

Но в нашем случае «русские мусульмане» России (последнее следует особо отметить), живут не в условиях «вынужденной самоизоляции» и не в условиях «историко-географической замкнутости». За редкими исключениями они живут в окружении русского «этнического большинства», исповедующего православие, либо называющего себя православными. В современной России только в семи регионах большинство составляют «этнические мусульмане», традиционной религией которых является ислам. Это Ингушетия, где мусульман 98% от всего населения, Чечня — с 96% мусульманского населения, Дагестан — с 94%,

Кабардино-Балкария с 70%, Карачаево-Черкесия — с 54,6%, Башкортостан — с 54,5% и Татарстан — с 54% [9]. Большинство в остальных регионах (за исключением Тывы и Калмыкии, где верующие — преимущественно буддисты) составляют «этнические русские».

Разумеется, проблема заключается не только и не столько в «этничности». Следует учитывать также иной фактор — «фактор религиозности» российского населения в целом. Исследовательская служба «Среда» в 2013 г. представила «Атлас религий и национальностей Российской Федерации», который даёт общее представление, как верят и как относятся к религии граждане нашей страны. Из представленных данных следует, что 36 миллионов россиян верят в Бога как в Высшую силу, но конкретную религию не исповедуют. 58,8 миллиона заявили о своей принадлежности к Русской Православной Церкви, исповедуя православие, а 400 тысяч — о принадлежности к старообрядчеству. Ещё 2,1 миллиона указали на своё православие, отвергнув принадлежность и к РПЦ, и к старообрядчеству. Почти 6 миллионов назвали себя христианами, не считая себя ни православными, ни католиками, ни протестантами. 2,4 миллиона указали на то, что исповедуют ислам суннитского толка, а 300 тысяч назвали себя шиитами. При этом 6,7 миллиона россиян назвали себя мусульманами, не являющимися ни суннитами, ни шиитами. О своей приверженности католицизму заявили 140 тысяч человек, а о приверженности протестантизму — 300 тысяч. 140 тысяч указали на свою приверженность иудаизму, а 1,7 миллиона — об исповедании традиционной веры предков, поклонении богам и силам природы. 700 тысяч назвали себя буддистами, а 7,9 миллиона затруднились с ответом [3]¹.

---

¹ Следует также отметить, что по утверждениям Духовного управления мусульман европейской части Российской Федерации, мусульман в России проживает около 20 миллионов. Согласно данным ВЦИОМ по итогам Всероссийского опроса, проводившегося в январе 2010 г., доля называющих себя последователями ислама (как «мировоззрения» или «религии») за 2009 г. в России понизилась с 7 % до 5 % опрошенных. (См. подр.: [17]).

Картина, как видим, получается весьма пёстрая. Даже если принять во внимание её неполноту и неточность, всё же следует признать: говорить о российских верующих, в нашем случае — о мусульманах, как о некоем «целом», объединённом «общим мировидением», не приходится. К тому же нельзя не учитывать и последствия насаждавшегося в течение многих десятилетий Советского периода государственного атеизма, приведшего к разрушению прежних — «традиционных» — религиозных представлений. Восстановление подлинных принципов свободы совести в годы Перестройки не могло не привести и к возрождению разного рода псевдорелигиозных суеверий, попыткам восстановить прежние формы «бытового благочестия» (безотносительно к реальному времени), стремлению «обрести веру» во всей её первоизданной «чистоте». В данном случае оказывалось неизбежным формирование новых мифов о «традиции», замещение мифом реальности, осознанными и неосознанными попытками идеализации вновь обретаемой (или вновь постигаемой) веры.

Падение коммунизма и распад Советского Союза коренным образом изменили и отношение новой российской власти к вопросам религии. Русская Православная Церковь стала рассматриваться как сила, способная консолидировать большинство населения страны, чем дальше, тем больше вспомилавшее о своих «православных корнях». В этой связи вполне объяснимым оказывалось фактическое объединение двух понятий: «русский» и «православный». В ноябре 2014 г. об этом было громко заявлено в «Декларации русской идентичности», принятой XVIII Всемирным русским народным собором, главной темой работ которого было объявлено «Единство истории, единство народа, единство России». Отмечая, что каждая нация — сложное динамичное явление, а самый очевидный критерий национальности — самосознание, авторы «Декларации» указывали, что наиболее точно соответствует русскому народу совокупность людей, называющих себя русскими. Но то была лишь «присказка». Вспоминая далее о самосознании,

авторы «Декларации» не забыли сказать об «исконно» сложном генетическом составе русского народа, подчеркнув, что его уникальность заключается в принятии русской идентичности представителями разных национальностей, которое было результатом не принудительной ассимиляции («русификации»), «а следствием свободного личного выбора конкретных людей, связавших с Россией свою жизнь и судьбу».

В «Декларации» обращалось внимание на то, что владение русским языком обязательно для всякого русского, хотя обратное утверждение (об обязательности принадлежности к русскому народу для всякого русскоговорящего) — неверно. Русский народ назывался государствообразующим народом России и народом-строителем Российской цивилизации, почему и русский язык получил широкое распространение.

Далее речь шла о православной вере, сыгравшей в формировании русской идентичности огромную роль. При этом отмечалось, что в XX веке значительное число русских стало неверующими, не утратив при этом национального самосознания. Впрочем, несмотря на это, «утверждение о том, что каждый русский должен признавать православное христианство основой своей национальной культуры, является оправданным и справедливым. Отрицание этого факта, а тем более поиск иной религиозной основы национальной культуры, свидетельствуют об ослаблении русской идентичности, вплоть до полной ее утраты».

Обратим внимание на данное заявление. Из него однозначно следовало, что именно православная вера является гарантией сохранения национальной идентичности, хотя принадлежность к русской нации определяется комплексом связей: генетических, брачных, языковых, культурных, религиозных и исторических. И ни один из критериев не может считаться решающим. Для формирования национального самосознания обязательно иное: совокупность указанных связей с русским народом должна быть сильнее, чем совокупность связей с иной этнической общностью.

Ощутить это может только сам носитель национальной идентичности, совершая личный выбор. Русский должен чувствовать солидарность с судьбой своего народа, глубинную эмоциональную связь с главными событиями истории: Крещением Руси, Куликовской битвой, одолением Смуты, победами над Наполеоном и Гитлером.

Отметим, между прочим, что о преодолении монгольского ига в «Декларации» не упоминалось, как не упоминалось и об основополагающем событии начала XX века — Российской революции 1917 г., оказавшей колоссальное влияние на весь ход мировой истории. Не трудно понять, почему об этих событиях никакого упоминания не было. Но зато совершенно понятно, почему русская идентичность определялась следующим образом: «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [6].

Указанное определение сразу же выводило «русских мусульман» (то есть этнических русских, принявших ислам) из круга лиц, имевших право называться русскими. Несмотря на то, что они думали и говорили по-русски и, быть может, даже ощущали солидарность с судьбой своего этноса (хотя судить об «ощущениях» всегда непросто), они не могли признать православное христианство основой национальной духовной культуры, поскольку основой *их собственной духовной культуры* мог быть только ислам. Это принципиальный момент, без объяснения которого вряд ли возможно говорить о феномене «русских мусульман».

Действительно, принятие ислама для человека, выросшего в русской среде (причём не только в религиозной), актуализировало вопрос о самоидентификации, разумеется, если ставший мусульманином русский был способен рефлексировать по поводу своей новой религии. Для примера вспомним о российском

политическом и общественном деятеле Гейдаре Джемале (1947–2016). Он родился в Москве, в семье азербайджанца-отца и русской матери. Никакого религиозного воспитания в детстве не получил. Отец был профессором кафедры рисунка и живописи МГТУ, дед (по отцу) служил в НКВД, закончив карьеру председателем Верховного Суда Азербайджанской ССР. Русская мать была профессиональной наездницей и дрессировщицей. Её отец одно время был заместителем министра культуры, а затем директором Малого театра и профессором ГИТИСа. Как рассказывал Г. Джемаль, все его предки были либо атеистами, либо осторожными агностиками. «Для меня же именно Ислам стал площадкой самоидентификации, — вспоминал он в конце жизни, — поскольку я с самого начала идентифицировал себя как азербайджанца (это был единственный способ дистанцироваться от окружающих). Я знал, что азербайджанцы — мусульмане, поэтому и стал читать соответствующие книги» [13].

Итак, приход к мусульманской вере был обусловлен тем, что среди предков Г. Джемала были этнические азербайджанцы. Но его отец был человеком неверующим, никаким религиозным традициям сына не обучал. «Идентификация» была вызвана лишь стремлением «дистанцироваться от окружающих». Можно предположить, что, если бы предки отца были католики или старообрядцы, Г. Джемаль стал бы читать иные «соответствующие книги». Однако в нашем случае важнее отметить иное: ислам стал для Г. Джемала площадкой самоидентификации. После этого он никогда не воспринимал себя как русского, хотя писал, говорил и думал по-русски, блестяще знал русскую литературу и историю. Значит, выбрав для себя путь верующего мусульманина, он отказался от русской идентичности — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Православие для него не было основой духовной культуры; «идентичность» он выбрал самостоятельно, тем самым отказавшись и от русского «исторического наследства» (кстати

сказать, даже несмотря и на то, что первая жена его была верующей православной, регентом церковного хора).

Но пример Г. Джемаля нетипичный, хотя и характерный. Многие из тех русских, кто выбрал для себя ислам, вовсе не стремятся отказываться от «русской идентичности» (тем более, что у большинства из них нет «мусульманских корней», а все предки — или номинальные, или реальные православные христиане). Вероятно, именно по этой причине ряд «русских мусульман» выступили с критикой тех мест «Декларации русской идентичности», где говорилось о признании православного христианства как основы национальной духовной культуры. Среди них был муфтий Свердловской области Николай (Абдуль Куддус) Ашарин; руководитель отдела по связям с общественностью Союза мусульман Волгоградской области Сергей (Муса) Баранов; сотрудник Исторической мечети Москвы Владимир (Махди) Зарубин.

«Будучи мусульманином, я не только не утратил русскую идентичность, но и более сильно ее ощущаю, чем до принятия ислама, потому что именно крепкая вера — основа национальной идентичности, — заявил, например, Сергей (Муса) Баранов. — Когда ты понимаешь, что вера — это, прежде всего, ощущение богобоязненности, и когда ты через полную богобоязненность понимаешь, что этот мир дан только как испытание, ты начинаешь относиться к своей национальной принадлежности, к своей народности именно с точки зрения историчности. А еще сильнее эта идентичность у меня наступила в тот момент, когда стали происходить все эти события, связанные в Крымом и Украиной» [7].

В данном случае вспоминалось о событиях весны 2014 г. и «русский мусульманин» подчёркивал, что полностью солидаризируется с общественным мнением, преобладавшим тогда в России. «Идентичность» он связывал не с религией, а с государством. Это принципиальный момент в восприятии того, что, собственно, и подразумевалось под «национальной идентичностью» как таковой.

Ещё более жёстко выступил «русский мусульманин» Владимир (Махди) Зарубин, подчеркнувший, что и после принятия ислама он не перестал воспринимать себя как русского человека. «Это ерунда все, невозможно лишить людей их национальной идентичности принятием деклараций. Русскому человеку свойственен духовный поиск, он пытается найти истину, и, если не находит её для себя в православии, ищет в другом мировоззрении. Почти каждый день в ислам приходят новые девушки и парни, много славян — из русского народа, из украинского. Знаю и нескольких армян, которые приняли ислам. Напротив нас работает один брат из еврейского народа, открыл халальный магазин, у него вся семья мусульмане. При этом они остаются людьми, искренне любящими свою Родину. Если человек — мусульманин, это не значит, что он не патриот своего государства» [7].

Оговорка, сделанная «русским мусульманином» в пылу полемики, осталась незамеченной, а напрасно: ведь он сказал о поиске истины «в другом мировоззрении», по сути подменив понятия «веры» и «мировоззрения». Вера, конечно, определяет мировоззрение человека, но не сводится к нему. Тем более, что мировоззрение бывает не только религиозным, но также обыденным, научным и философским. С терминологией следует обращаться более корректно!

Для верующего человека мировоззрение есть производное *его веры*, которая позволяет не только объединять людей, принадлежащих к одной конфессии/деноминации, но и разделять людей по религиозному признаку. Следует также помнить, что мировоззрение может совпадать у представителей разных религий, если речь идёт о принципах, поддерживаемых государством и служащих основанием официальной государственной идеологии. Не случайно, тот же Владимир (Махди) Зарубин подчёркивал, что «сегодня нужно делать упор на Россию как уникальную передовую многонациональную цивилизацию» [7]. Под «многонациональностью», вероятно, имелась в виду и поликонфессиональность

России, в которой ислам (равно как иудаизм и буддизм) считается «традиционным» вероисповеданием² [22].

При этом Владимир (Махди) Зарубин утверждал: «В исламе подчеркивается, что у нас одна национальность — мусульманин, человек, покорный Богу. А из народа он может быть какого угодно, без разницы. Главное, что все мы граждане России, и каждый выбрал себе путь, по которому он хочет приблизиться к Всевышнему» [7].

И это говорил человек, ранее утверждавший, что он — русский! Воистину, самоидентичность — большая и сложная проблема для тех, кто пытается соединить в себе русскую «этничность» и «инаковереие». Гейдар Джемаль решил вопрос с этничностью просто отказавшись от своего «русского наследства» (благо имел возможность это осуществить), а его «русскоговорящие» и «русскомыслящие» единовверцы вынуждены плутать в двух соснах: то называя свою веру национальностью «мусульманин», игнорируя проблему этничности и утверждая приоритет гражданства, то указывая, что принятие ислама никак не мешает им воспринимать себя как русских. Так мы снова и снова, по кругу, возвращаемся к проблеме самоидентичности «русских мусульман».

Когда эта проблема — как проблема — была осознана в российском социуме и заинтересовала не только религиоведов, но, шире, отечественных интеллектуалов, в том числе и деятелей культуры? Не будет ошибкой предположить, что это произошло

---

² В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятом осенью 1997 г., говорится о признании особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, а также об уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России [22]. Несмотря на то, что преамбула Закона — не Закон, всё-таки отметим: текст составлен не вполне удачно. Получается, что православие не есть христианство, которое, в свою очередь, вместе с двумя другими мировыми религиями и иудаизмом, а также не конкретизированными «другими» есть *часть* исторического наследия россиян!

в первую половину 1990-х гг., когда Афганская война была ещё недавним прошлым, а война Чеченская — трагическим и болезненным настоящим. Тогда же режиссёр В. И. Хотиненко снял фильм «Мусульманин», ставший культовым. Фильм вышел в прокат в 1995 г., получив ряд призов (например, Гран-при жюри Монреальского международного кинофестиваля — приз кинопрессы за 1995 г., как лучший фильм года). Сюжет фильма прост: в русскую деревню, на родину, возвращается гвардии рядовой Советской армии Николай Иванов, пробывший в плену у моджахедов семь лет. Афганский крестьянин выкупил солдата, когда его вели расстреливать, и Николай заменил ему убитого сына. В Афганистане бывший воин-интернационалист принял ислам, и в родное село вернулся правоверным мусульманином. Односельчане с радостью приняли долго отсутствовавшего земляка, однако непривычное для них поведение Абдуллы (таково было его исламское имя), его глубокая религиозность, неприятие алкоголя, воровства, его отношение к деньгам, — всё это привело к конфликту. Особенную неприязнь вызывал Абдулла у старшего брата — пьяницы с уголовным прошлым, который чуть было не убил его. Фильм заканчивается трагически: бывший замполит Николай Иванова, считавший его предателем, после откровенной с ним беседы, случайно застрелил его.

Фильм оставлял удручающее впечатление: жители русской глубинки показаны в нём вороватыми, глуповатыми, суеверными и алчными людьми, не имеющими чётких представлений о морали и нравственности. Они не столько злы, сколько глубоко невежественны, и в этом своём невежестве способны совершить подлость. На их фоне «русский мусульманин» Николай (Абдулла) выглядит цельным и искренним, но «чужим среди своих». Показательно, что многие из тех, кто смотрел фильм в YouTube, в своих комментариях отмечали всю неприглядность именно «русской жизни» в деревне. Так, один из зрителей с горечью написал: «Потрясающей правдивости фильм! Так деревня подошла

к своему финалу. Воровство, пьянство, отсутствие видения и самое главное полный атеизм. Нет Бога, а грех не страшен. Полная деградация. Автору сценария и режиссеру браво!!! Как пропустили этот фильм просто непонятно. В этом фильме так талантливо показан закат нашей деревни, что плакать хочется. Пропили, разворовали всю страну» [12].

О «русском мусульманине» Николае Иванове, как ни странно, большинство авторов комментариев не писало. А зрители, исповедующие ислам (по всей видимости, «этнические мусульманине»), просмотрев фильм, в комментариях заявляли о своей гордости от того, что исповедуют именно эту религию («Альхаидуллах, хвала Всевышнему — я мусульманин!!!! Мне чужды эти русские пьянки и разврат») [12].

На самом деле фильм был не о «русских пьянках», а о «русском мусульманине», получившем в плену «новое откровение», целиком и полностью изменившее его жизнь. В фильме представлен и православный священник — одноклассник старшего брата главного героя — отец Михаил, добрый и искренний человек. Он не в силах изменить жизнь своих односельчан, погрязших в «обыкновенных» пороках русского села: в пьянстве, мелком воровстве, пошлых пересудах друг о друге. Не смог он и примирить двух братьев: «русского мусульманина» и вечно нетрезвого, агрессивного его брата, на что искренне надеялась их мать — по-своему мудрая, но исключительно невежественная «тётка Соня». «В отце Михаиле она видит возможность примирения двух сыновей и просит его посоветовать молитву или заговор». То, что тётка Соня не видит разницы между молитвой и заговором, показательно и то, что она готовит скоромное угощение для отца Михаила в среду (в «постный» день). Её «традиционная религиозность» примитивна и проста, вера замещена суеверием, а на священника она смотрит скорее как на колдуна или шамана, чем на человека, который обязан научать правилам православной «жизни в Боге».

По словам современного исследователя фильма «Мусульманин», «Абдулла — ярко выраженный носитель высших духовно-нравственных и религиозных ценностей <...>, которого режиссер сделал символом возрождения», а «духовный мир среды в фильме олицетворяет первичное поле работы по осуществлению возрождения». Исследователь полагает, что в фильме отсутствует конфессиональная антитеза, а главная его идея «заключается в том, что возрождение возможно только при условии утверждения личности в истинности духовно-нравственных ценностей, что <...> имеет не столько религиозный или национальный аспект, сколько этическое и экзистенциальное, смысло-жизненное содержание. Социальная драма «Мусульманин» зафиксировала духовный и ценностный кризис постсоветской России и показала пути выхода из него через изменение ценностной иерархии в сознании человека эпохи. Парадоксальность выбора Героем вероисповедания, вопреки собственной традиции, была призвана заставить зрителя осознать разницу между истинной духовностью и ее кажимостью, увидеть достоинство самого человека, а не только выбранного вероучения» [5, с. 22–24].

Не будем спорить с приведенным мнением, даже согласимся с тем, что в фильме нет «конфессиональной антитезы». Обратим внимание на иное: впервые в российском кинематографе был выведен положительный образ «русского мусульманина», подкупающего своей искренностью и, главное, цельностью мировосприятия. На фоне русских земляков он выглядит «инопланетянином»: он имеет свои ценности и приоритеты, он отрицает «традицию» (а точнее то, что считалось таковой его близкими). Его «норма» вступает в диссонанс с «нормой» окружающего его большинства. У него иное понимание «чистоты» и «добра», и это *иное* дала ему не вера предков, а ислам.

Собственно говоря, указанное обстоятельство чаще всего и подчёркивается «русскими мусульманами», которые, как и показанный в фильме «Мусульманин» Николай Иванов, стремятся

быть *правоверными*, самим фактом принятия ислама противопоставляя себя *православным*. На мой взгляд, противопоставление это изначально predetermined, хотя этого «русские мусульмане» или нет. Но ведёт ли подобное противопоставление к «конфликту вер», или, лучше сказать, неизбежен ли подобный конфликт?

Это важный вопрос, от ответа на который зависит и успешное разрешение проблемы восприятия «русских мусульман» в современной России. Прежде всего отметим, что до сих пор не вполне ясно, сколько «русских мусульман» проживает в нашей стране. Данные разнятся. В Интернет-статье «Русские мусульмане» говорится, что число их точно не определено, «поскольку на основании данных переписи населения отделить этнических мусульман от новообращенных крайне сложно. По словам Али Вячеслава Полосина, в 2003 году число русских мусульман на территории России достигало десяти тысяч человек. Религиовед Силантьев утверждал в 2007 году, что не более, чем три тысячи человек — это русские, принявшие ислам за последние пятнадцать лет. Но уже в 2013 году он же утверждал, что за последние пятнадцать лет в России не более десяти тысяч славян приняли в России мусульманство»³ [21].

Али Вячеслав Полосин — бывший православный клирик, ещё в 1999 г. объявивший о своём переходе в ислам (первые полтора года он входил в шиитскую общину, затем перешёл в суннизм). О нём, как и о других бывших православных священнослужителях, принявших ислам, мне приходилось писать ранее [23, с. 124–

---

³ В качестве курьёза следует привести показательный «факт», упомянутый в статье о «Русских мусульманах». Среди известных русских мусульман прошлого неизвестные авторы назвали писателя Л. Н. Толстого и русского путешественника Афанасия Никитина (именно в такой последовательности). Афанасий Никитин был «произведён» в первые русские мусульмане. [См.: 8]. Всё-таки красивые сказки помогают жить и мотивируют слушающих, обыкновенно не забывающих о содержащемся в сказке намёке.

138]. Али Вячеслав Полосин — человек пристрастный, доверять его словам следует с определённой долей сомнения.

Что касается данных российского исламоведа Р. А. Силантьева, то следует признать, что и он «конфессионально небеспристрастен», ибо одно время являлся руководителем Правозащитного центра Всемирного русского народного собора и был сотрудником Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. Но в данном случае «конфессиональная небеспристрастность» должна оцениваться скорее позитивно, ибо Р. А. Силантьев — серьёзный исследователь, получивший признание в научных кругах: и среди светских учёных, и среди учёных-мусульман. Относительно недавно он выпустил фундаментальную монографию «Русские мусульмане», в которой приводится подробная история движения неопитов, анализируются причины смены религии, даётся оценка формирующейся субкультуры «русских мусульман» и освещается ее этнический состав. В монографии представлены также биографии более ста «самых ярких» новообращённых «русских мусульман» [20]. Заинтересованный читатель может познакомиться с этим трудом, имея в виду, как автор оценивает «русских мусульман».

По словам Р. А. Силантьева, «это интересный феномен, особенно в свете повышенного интереса, который проявляют к новообращённым экстремистские и террористические организации. Подчеркну, что словосочетание “русские мусульмане” в названии монографии взято в кавычки сознательно, поскольку заметная часть героев этой книги не имеет отношения ни к русским, ни к мусульманам» [4].

Не вдаваясь в данном случае в подробности вопроса об экстремизме обратившихся в ислам русских, а также оставив за скобками вопрос о том, кого называют «русскими мусульманами» лишь по недоразумению, отметим: в нашем случае мы ведём речь именно о тех, кто считает себя представителем русского этноса — не «по крови», а по сути. И совершенно неважно, что,

по мнению Р. А. Силантьева, «среди так называемых русских мусульман по-настоящему русских меньше половины: в основном это люди с украинскими и южнороссийскими фамилиями». Вопрос о том, кого считать «по-настоящему русским», на мой взгляд, не только неразрешим, но и некорректен.

Впрочем, это частности. В любом случае, численность «русских мусульман», действительно, трудно поддаётся подсчёту. Ещё в 2011 г. Р. А. Силантьев говорил, что за двадцать лет в ислам обратилось 6000 человек, из которых 70% — жёны этнических мусульман, а остальные — люди с украинскими и южнорусскими фамилиями, а также экстремисты. Данные Р. А. Силантьев брал у областных/краевых администраций, что у его критиков (из «русских мусульман») вызвало плохо скрываемый скепсис.

«Полагаем, что эти данные немедленно станут точными, как только каждый новый мусульманин заведет себе привычку регистрировать смену вероисповедания в соответствующем госоргане», — писали критики, далее заявляя: «Меж тем, исследования одной только социальной сети «Вконтакте» в конце прошлого года показали, что число пользователей с явно русскими фамилиями, смело указавшими в графе “вероисповедание” — Ислам, составило более 50 тысяч! И это только «Вконтакте». А сколько новообратившихся не имеют доступа в интернет? А сколько имеют доступ, но не зарегистрированы «Вконтакте»? А сколько новообратившихся пишут в этой графе — Единобожие? А сколько — пока ничего не написали?».

Продолжая полемику, критики вынужденно констатировали: «Да, среди новообращенных мусульман иногда встречаются лица с явными экстремистскими взглядами — но это проблема любого мусульманского сообщества любой страны, хотя относительно России можно отметить, что, по нашим наблюдениям, экстремизм таких лиц имеет ярко выраженную антирусскую направленность. Можно ли считать русским человека, который ненавидит свой народ за сам факт его существования?» [11].

Обратим внимание на фразу об «антирусской направленности». Она — ключевая. Новообращённые исламские экстремисты, принадлежавшие по рождению к русской нации, переставали ассоциировать себя с этой нацией, отказывались от «этничности» в пользу новой веры, пусть и понятой ложно. В данном случае важно отметить сам факт отказа! Впрочем, написавший об этих экстремистах приведённый выше пассаж, заканчивал свои рассуждения на иной ноте. «Бесполезно выяснять, почему мы, русские, принимаем Ислам — сколько «неофитов», столько и причин. И профилактировать их бессмысленно, ибо истинная причина — одна, и она известна даже “исламоведам” — Слово Аллаха дойдет до каждого дома, до всех людей. Но одних Оно возвысит, а других — унизит. Что и видят те, у кого есть глаза» [11].

С утверждением о «бесполезности выяснения» причин принятия ислама русскими *in cogrore*, конечно, не поспоришь: сколько принимающих мусульманскую веру, столько и причин. Впрочем, это утверждение применимо и при разговоре о мотивации любого неофита, поменявшего «старую веру» на «новую». Ищущий да обрящет!

Интереснее отметить, что вопрос о том, будут ли русские «читать Коран», а заодно и «есть рис палочками», актуализировался именно в начале XXI века, когда в России существенно выросло число мигрантов (в том числе нелегальных) из Средней Азии и Китая. О Китае и «палочках для риса» говорить не будем, но вспомним о другом, — страх (или опасение) перед возможной «исламизацией» тогда в российских средствах массовой информации стал активно обсуждаться. Начало этому обсуждению, среди прочих, положила газета «Комсомольская правда», на страницах которой летом 2003 г. были опубликованы статьи журналиста Галины Сапожниковой [18]. Она, правда, писала не о «русских мусульманах», а о мигрантах, прежде всего о мусульманах, приехавших в Россию после развала СССР, и о причинах подъёма бытового национализма среди «русских-русских». Но один

вопрос с неизбежной закономерностью и достаточно быстро вывел на другой: о «русских мусульманах». На журналиста подали в суд за оскорбление религиозных чувств и достоинства мусульман именно «русские мусульмане»... Карелии. Г. Сапожникова поехала в Петрозаводск, встретила с представителями «карельской уммы» (с «русскими мусульманами») и даже опубликовала по этому поводу подробный репортаж.

«Этническим мусульманам никому ничего доказывать не надо — раз в неделю, по пятницам, они приходят в молельный дом, на чем их участие в партийном строительстве заканчивается, — с присущей «Комсомольской правде» эпатажностью писала она. — <...> Но русские мусульмане — совсем другая история. Им нужно убедить: а) себя — в том, что они сделали правильный выбор, б) мусульман по рождению — в том, что неопиты не хуже их. Им нужно защищаться, поэтому они и нападают».

Остановимся на этом выводе. Он психологически верен. Защита довольно часто бывает неадекватна (или не вполне адекватна) нападению. И разбираться в том, кто более виноват — «напавший» или «защищающийся» — в большинстве случаев контрпродуктивно. Кстати сказать, Г. Сапожникова достаточно красочно описала свою встречу с одним из представителей сообщества «русских мусульман» — этнической немкой («русской немкой»), ставшей женой сирийского араба, который учился в Петрозаводске на медика, но стал имамом. Впрочем, мусульманкой она стала ещё до замужества. И это тоже немаловажно. В любом случае, «русские мусульмане» в России — это именно *русские* по языку, мышлению, воспитанию, культуре и образованию, а не только имеющие «русскую кровь» люди. Данное обстоятельство следует и меть в виду, более не останавливаясь на вопросе об «этнических корнях». В своей статье Г. Сапожникова рассказала о встречах и беседах с теми русскими, живущими в Карелии, кто выбрал для себя ислам, и резюмировала: «Вот эти милейшие русские люди и сочли мою статью про национализм

для себя оскорбительной. Каждый из них по отдельности — хороший человек, искренний и тонкий. Но что с ними происходит, когда они собираются вместе? И почему остальным русским это не нравится?» [19].

Ответа журналист не даёт, очевидно надеясь, что каждый из прочитавших её репортаж сам сделает соответствующие выводы. Но сама постановка вопроса выглядит достаточно провокационно: а в самом деле, почему? Неужели потому же, что и односельчане Николая Иванова — бывшего советского солдата, ставшего Абдуллой («рабом Божиим») из «Мусульманина»? Вот и задумаешься о «волшебной силе искусства»!

Впрочем, Николай Иванов художественного фильма «Мусульманин» был один, а не *вместе* со своими единоверцами. Один в иноверном и потому враждебном ему окружении. Проблема «собирания», пусть и неосознанная, и не понятая в полной мере, но всё-таки была названа Г. Сапожниковой («Что с ними происходит, когда они собираются вместе?»). Журналист «Московского комсомольца», вероятно, не вполне понимала, насколько важна проблема «собирания» для «русских мусульман», которые попытались её разрешить всего лишь спустя год после публикации её статей.

В июне 2004 г. на съезде «Организации русских мусульман» (в Омске) была создана Национальная организация русских мусульман (НОРМ), заявившая об объединении этнических русских, исповедующих ислам и поставившая в качестве своеобразной «задачи-максимум» обращение в ислам всех этнических русских. Не касаясь истории этой организации, следует обратить внимание на то, что с самого начала НОРМ «заявила, что будет вести свою деятельность “в рамках Ислама исключительно в его традиционной, суннитской форме”, признавая все 4 мазхаба и суфизм», а также, «что из-за незрелости русских мусульман создать единый джамаат в России не представляется возможным». Было также подтверждено «лояльное отношение организации

к суверенному Российскому государству и неучастие НОРМа и его членов в какой-либо антигосударственной и антиправительственной деятельности». Проблему статуса Чечни и Кавказа решили считать «не имеющей принципиального значения для развития русского мусульманского сообщества» [14].

Вскоре, в августе 2005 г., на Шуре (Совете) НОРМ был утверждён и флаг движения — бело-красно-чёрный с золотой шахадой, напоминающей ладью. Объясняя смысл флага, лидеры НОРМ констатировали: «Цвета и символы флага и их расположение обладают смыслом и укоренены в геральдике как исламского мира, так и русского и родственных ему народов. Нахождение вверху белого цвета, олицетворяющего устремления духа, указывает на главенствующую роль Единобожия, Ислама для общности и идентичности русских мусульман. Красный как цвет крови означает сохранение русскими мусульманами своих родовых корней, стремление к распространению Ислама среди своих соплеменников и родственных им народов. Чёрный как цвет почвы означает связь с землей — как исторической родиной, так и любой страной, в которой проживают русские мусульмане, стремясь приносить пользу обществу, возвышая Ислам и сохраняя свою идентичность. Ладья указывает на архетип варягов-русов, динамику движения, которому, согласно известному исламскому высказыванию, сопутствует благодать, в данном случае — на пути Аллаха» [24].

Вот так «архетип варягов-русов» оказался незатейливо привязан идеологами НОРМ к цветам знамён исторических исламских халифатов: Омейядского, Османского и Аббасидского. Идеологи НОРМ не забыли указать и на то, что знамя с указанными цветами в начале XXI века использовало русское национально-освободительное движение, а затем и «движение финно-угорского народа эрзя, генетически родственного значительной части русских» [24]. Как говорится, к слову об «этничности»!

В 2007 году руководители Национальной организации русских мусульман заявили, что станут развивать в России

маликитский мазхаб — учение одной из правовых школ суннитского ислама [1, с. 483]. По их мнению, эта правовая школа является идеологической основой для строительства общины русских мусульман. Однако добиться конструктивного включения «русских мусульман», объединённых в централизованную организацию, не получилось. Большинство их в итоге не вошло в НОРМ. Очевидно, тому помешали «комплексы неофитов» (не случайно, уже в 2006 г. председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России и сопредседатель Совета муфтиев России Нафигулла Аширов осудил НОРМ за «русский шовинизм» [15]).

Кстати, о «шовинизме». Вновь вспоминая о Г. Джемале, отметим, что именно ему приписывается формулирование ещё в 1990-е гг. идеи «русского ислама». Полноценно осуществить реализацию указанной идеи не удалось. По словам обозревателя «Независимой газеты-Религии» В. Мальцева, «существующие де-факто этнически русские мусульманские общины, авторитетнейшей из которых является созданная в 2000 году община «Прямой подход» (ее сопредседатель — известный переводчик Корана Иман-Валерия Порохова), этнический подход к обращению открыто осудили: “Ислам не может быть ни русским, ни татарским, ни арабским, ни каким-либо еще по национальному признаку. Ислам — один, и он дан всему человечеству”» [15].

В этих словах недвусмысленно выражена мысль о том, что «русские мусульмане» — это одно, а «русский ислам» — совершенно другое. Неслучайно, именно русские националисты (и явные, и «латентные») составили основной костяк тех «русских мусульман», которые пытались реализовать себя в наиболее воинственных исламистских организациях, откровенно симпатизируя ваххабизму и, впоследствии, террористическому «Исламскому государству». Подобных «верующих» принято называть «русскими исламистами» [16, с. 70–82].

Были среди радикально настроенных «русских мусульман» и те, кто проповедовал и проводил в жизнь идеи расизма

и ксенофобии. О них-то как раз и говорил муфтий Н. Аширов. Одним из наиболее активных и известных «русских мусульман»-националистов в первое десятилетие XXI века был Вадим Сидоров, в 2003 г. принявший ислам и ставший Харуном ар-Руси. В. Сидоров особо не скрывал, что с юности его религией был национализм, но на заре нового тысячелетия он разочаровался в своей нации и попытался «найти себя» в исламе. И нашёл, став одним из лидеров НОРМ (в качестве главного мухтасиба, то есть человека, следящего за претворением в жизнь исламских моральных норм, заключающихся в повелении одобряемого и запрещении осуждаемого).

Что делать! Объяснимый максимализм неофитов, помноженный на максимализм «ищущих откровения» русских маргиналов, пришедших в ислам в результате весьма парадоксальных религиозных поисков и экспериментов, сделал своё дело: «объединиться» не получилось. Сторонники «конструктивной линии» развития движения «русских мусульман» вышли из НОРМ, власть и влияние в которой приобрели В. Сидоров и его единомышленники. А в сентябре 2013 г. лидеры НОРМ приняли решение покинуть Россию. В их заявлении говорилось: «В настоящий момент все основные идеологи, медиа-активисты и исламские студенты НОРМ находятся за пределами России, откуда продолжают свою деятельность по донесению правды об исламе до российского и мирового сообщества. Действительность такова, что в сложившихся в России условиях любой, кто хочет открыто ассоциировать себя с идеями и организациями, произвольно признанными “неблагонадежными”, должен быть готов покинуть страну, чтобы делать это из-за рубежа, либо стать объектом провокаций местных силовиков». Их решение, не без сарказма, приветствовал и Р. А. Силантьев [10].

Резюмируя, следует вновь возвратиться к теме о влиянии и активности «русских мусульман» в России XXI века. И их влияние, и их активность не следует преувеличивать. В большинстве своём

это религиозные маргиналы, порвавшие связи с традиционным «русским миром» и не ставшими полностью «своими» для представителей народов, традиционно исповедующих ислам. Чтобы стать «своими» необходимо ассимилироваться в исламской среде, которая весьма неоднородна. С другой стороны, сохранить «этничность», будучи мусульманином, для русского по рождению и воспитанию, весьма непросто. Особенно учитывая то, что в последнее время «духовно-мировоззренческие основания русского национального менталитета являются предметом ожесточенной идеологической и политической борьбы» [16, с. 79].

Впрочем, нельзя не признать и того, что на протяжении почти трёх последних десятилетий «русский ислам» существует в «поле страха, подозрительности и умолчания». В целом немотивированные, эти страх и подозрительность переносятся и на «русских мусульман», сплочённость и сила которых порой чрезмерно и безосновательно преувеличивается. Вместо разговора о феномене «русских мусульман» впору говорить об одноимённом мифе, замещающем и закрывающем реальность. А реальность такова, что даже вопрос о численности «русских мусульман» оказывается мифологизирован. Об этом свидетельствует несогласованность утверждений их лидеров, о чём ещё в начале XXI века писал православный публицист Анатолий Артёмов.

Конечно, он, как и любой религиозно ориентированный человек, в своих суждениях о «чужой вере» изначально субъективен. Но, в конце концов, и его оппоненты не могут похвастаться беспристрастностью. Важнее обратить внимание на иное: никакого «единения» среди «русских мусульман» не наблюдается, а мусульманские деятели, представители традиционно исповедующих ислам народов России, без восторга говорили о своих новых «братьях по вере». «Примеры русских, перешедших в ислам, не слишком обнадеживающие: у них обычно повышенная агрессивность, да и менталитет у них совсем другой», — цитировал А. Артёмов слова председателя Духовного управления мусульман Республики

Татарстан (в 1998–2011 гг.) и ректора Российского исламского университета Гусмана Исхакова [2].

Оставим эти слова без комментария, обратив внимание на основные причины, заставлявшие и заставляющие русских принимать ислам. Эту религию принимают либо те, кто пришёл к осознанию её истинности в результате духовных исканий, интеллектуальных поисков и длительных размышлений; либо те, кто отказался от веры предков по иным причинам. Среди «иных» причин в первую очередь, конечно, следует назвать семейные (заключение брака с мусульманином/мусульманкой), а также обращение насильственное (солдат в афганском или чеченском плену). «Иными» можно назвать и «социальные/экономические побуждения» — жизнь и работа в мусульманском окружении. При этом следует сказать, что «духовные искания» далеко не всегда свидетельствуют о «духовном росте» ищущего. Неслучайно, абсолютное большинство «русских мусульман», пополнивших ряды исламистских радикалов, приняли ислам, пройдя своеобразный религиозный путь — от членов фашиствующих организаций, через увлечение квази-православными течениями и неоязычеством.

«Идейных» занимающихся активным прозелитизмом верующих среди «русских мусульман» относительно немного (как, впрочем, и среди любых иных групп верующих, и мусульман, и христиан). «Идейные», как могут, популяризируют ислам, часто играя на противопоставлении его христианству, которое ранее оставили. Радикализм суждений этим обстоятельством фактически предопределён — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Увы, но следует признать: что «русские мусульмане» не могут содействовать формированию столь необходимой современной российской власти «общероссийской идентичности», поскольку последняя подразумевает своеобразную «конвергенцию традиций», в том числе и религиозных. «Традиционное христианство»,

как и «традиционный ислам», воспринимаются Российским государством как важные составные части «общероссийской идентичности». «Русские мусульмане», именно как «*русские* мусульмане», так восприниматься не могут.

Это принципиальный момент, который нельзя не учитывать. Проблема самоидентичности «русских мусульман» — это сугубо *их проблема*, которую они полностью решить до сих пор так и не смогли. Однако, нельзя не признать эту проблему важной, имеющей принципиальное значение в межконфессиональной жизни российских верующих (и православных, и мусульман). «Русские мусульмане», в отличие от русских старообрядцев, — не субэтнос. И, судя по всему, в ближайшее время таковым не станет. Пока это только особая группа верующих, понять и принять которую большинство «этнических русских» психологически не готово, предпочитая заявлять о себе как о «православных», но в большинстве случаев имея о вере предков такое же слабое представление, как и о вере последователей Пророка Мухаммеда.

Литература

1. Али-заде, А. А. Маликитский мазхаб (2007), *Исламский энциклопедический словарь*, М., 2007.
2. Артёмов, А. (2003), Много ли в России «русских мусульман»? *Церковный вестник*, № 17 (270), <http://www.tserkov.info/tio/?id=3986>.
3. Атлас религий и национальностей РФ: инфографика, *Среда. Исследовательская служба*, <https://sreda.org/arena-news/atlas-religiy-i-natsionalnostey-rf-infografika>.
4. Вышла первая монография о новообращённых мусульманах, *МГЛУ*, https://www.linguanet.ru/proektnaya-deyatelnost/laboratoriya-destruktologii/novosti/?ELEMENT_ID=8323.
5. Гаранов, Ю.С. (2012), Аксиологический анализ образа Героя в фильме В. Хотиненко «Мусульманин», *Теория и практика общественного развития*, № 1.

6. Декларация русской идентичности, *Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата*, <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>.
7. Известные русские мусульмане поспорили с РПЦ о национальной идентичности, *ISLAM NEWS. Информационное агентство России*, <https://islamnews.ru/news-440873.html>.
8. Известные русские мусульмане прошлого, *Русские мусульмане*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B5.
9. Ислам в России, *Википедия. Свободная энциклопедия*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.
10. Исламовед поддерживает лидеров Национальной организации русских мусульман, призвавших своих единомышленников покинуть Россию, *Интерфакс-Религия*, <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=52527>.
11. Как Р. Силантьев отрешает русских мусульман от русской нации, *ГолосИслама.RU. Информационно-аналитический портал*, <https://golosislama.com/news.php?id=1055>.
12. *Комментарии к фильму «Мусульманин»*, <https://www.youtube.com/watch?v=feev2JjxV4A>.
13. Леско, М. (2009), Гейдар Джемаль: предвестник Абсолюта, *Новый взгляд*, 19 марта, № 3.
14. «Организация русских мусульман» за лояльное отношение к Российскому государству *KAVKAZCENTER.com*, <https://www.kavkazcenter.com/russ>.
15. Мальцев, В. (2009), Тупики «русского национального ислама», *НГ-религии*, 16 сентября.
16. Ракитянский, Н.М., Зинченко, М.С. (2015), Русские исламисты — как политико-психологическая реальность, *Вестник СПбГУ*, Сер. 16, Вып. 3.
17. Религия в России, *Википедия. Свободная энциклопедия*, <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3>

%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#cite_note-VTsIOM2010-48.

18. Сапожникова, Г. (2003), Будут ли русские чтить Коран и есть рис палочками? *Комсомольская правда*, 8, 9, 10 июля.
19. Сапожникова, Г. (2003), Почему русские принимают ислам?, *Комсомольская правда*, 21 октября.
20. Силантьев, Р. А. (2020), *Русские мусульмане*. М., 2020.
21. Современная русская мусульманская община, *Русские мусульмане*, <https://medinaschool.org/library/obshchestvo/istoriya-islama/russkie-musulmane>.
22. *Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ. О свободе совести и о религиозных объединениях*, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/page/1>.
23. Фирсов, С.Л. (2013), «Третий путь» как альтернатива «Третьему Риму», *Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции*, Отв. ред. Т. Г. Туманян, СПб, С. 124–138.
24. Флаг НОРМ (Национальной Организации Русских Мусульман), *Русские мусульмане*, <http://rusmuslims.info/?p=89>.

References

1. Ali-zade, A. A. (2007), Maliki Madhhab, *Islamic Encyclopedic Dictionary*, Moscow.
2. Artyomov, A. (2003), Are there many «Russian Muslims» in Russia? *Church Bulletin*, No. 17 (270), <http://www.tserkov.info/tio/?id=3986>.
3. Atlas of religions and nationalities of the Russian Federation: infographics, *Wednesday Research Service*, <https://sreda.org/arena-news/atlas-religiy-i-natsionalnostey-rf-infografika>.
4. The first monograph about newly converted Muslims was published, *MSLU*, https://www.linguanet.ru/proektnaya-deyatelnost/laboratoriya-destruktologii/novosti/?ELEMENT_ID=8323.
5. Garanov, Yu.S. (2012), Axiological analysis of the image of the Hero in the film «Muslim» by V. Khotinenko, *Theory and practice of social development*, No. 1.

6. Declaration of Russian identity, *Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate*, <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>.
7. Well-known Russian Muslims argued with the Russian Orthodox Church about national identity, *ISLAM NEWS: Russian News Agency*, <https://islamnews.ru/news-440873.html>.
8. Famous Russian Muslims of the past, *Russian Muslims*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B5.
9. Islam in Russia, *Wikipedia. The Free Encyclopedia*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.
10. Islamologist supports the leaders of the National Organization of Russian Muslims who called on their like-minded people to leave Russia, *Interfax-Religion*, <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=52527>.
11. How R. Silantyev renounces Russian Muslims from the Russian nation, *GolosIslam.RU. Information and analytical portal*, <https://golosislama.com/news.php?id=1055>.
12. *Comments on the film «Muslim»*, <https://www.youtube.com/watch?v=fev2JjxV4A>.
13. Lesko, M. (2009), Heydar Dzhemal: Harbinger of the Absolute, *New Look*, March 19, No. 3.
14. «Organization of Russian Muslims» for loyalty to the Russian state, *KAVKAZCENTER.com*, <https://www.kavkazcenter.com/russ>.
15. Maltsev, V. (2009), Dead ends of «Russian national Islam», *NG-religions*, September 16.
16. Rakityansky, N. M., Zinchenko, M. S. (2015), Russian Islamists as a political and psychological reality, *Bulletin of St. Petersburg State University, Ser. 16*, Issue. 3.
17. Religion in Russia, *Wikipedia. The Free Encyclopedia* https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#cite_note-VTsIOM2010-48.

18. Sapozhnikova, G. (2003), Will Russians honor the Koran and eat rice with chopsticks? *TVNZ*, 8, 9, 10 July.
19. Sapozhnikova, G. (2003), Why do Russians accept Islam? *TVNZ*, October 21.
20. Silantiev, R. A. (2020), *Russian Muslims*, Moscow.
21. Modern Russian Muslim community, *Russian Muslims*, <https://medinaschool.org/library/obshestvo/istoriya-islama/russkie-musulmane>.
22. *Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ: On freedom of conscience and religious associations*, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/page/1>.
23. Firsov, S.L. (2013), «The Third Way» as an alternative to the «Third Rome», *Islam in Russia: cultural traditions and modern challenges. Materials of the international scientific conference*, ed. T. G. Tumanyan. Saint Petersburg.
24. Flag of NORM (National Organization of Russian Muslims), *Russian Muslims*, <http://rusmuslims.info/?p=89>.

Автор / Author

Фирсов Сергей Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО РГПУ имени А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Firsov Sergei L. — DSc, Professor of the UNESCO Department of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Professor of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: sfirsofff@mail.ru